

22.11.02

Драка возле мольберта

На фестивале NET выступает Жозеф Надж

Музыкаль. — 2002. — 21 июля. — с. 10.

Жозеф Надж полюбил цирк раньше, чем театр. В маленьком венгерском городишке, где он родился и вырос, было интересное шашито и очень слабая драматическая труппа. Тем не менее ни клоуном, ни акробатом Надж не стал. Сначала учился на художника, а однажды попав в Париж, навсегда заболел современным танцем. Было это двадцать с лишним лет назад. А с 95-го Надж руководит Национальным хореографическим центром Орлеана.

Елена ГУБАЙДУЛЛИНА

Тому, что он делает, трудно подобрать строгие определения. Сценические фантазмагории полны визуальных парадоксов, туманная философия слобрена лукавой насмешкой народных сказок. Скажутся и ранние увлечения — Надж понимает толк в хорошем трюке и умеючи пользуется цирковой магией. Два года назад хореограф-парадоксалист поразил Москву «Полуночниками» — причудливым иллюзионом по мотивам произведений Франца Кафки. Поразил до такой степени, что даже получил «Золотую маску» в номинации «Лучший зарубежный спектакль, показанный в России». В эти дни московская публика снова больна Наджем — в программу фестиваля NET вошли две его постановки, и Мейерхольдовский центр с трудом выдерживает

осаду фанатичных поклонников диковинного франко-венгерского искусства. В пятницу и субботу труппа из Орлеана покажет «Войцека» — давнюю танцпьесу Наджа, с которой началась его европейская слава. А вчера в компании с танцующей актрисой Сесиль Тьеблемон и знаменитым перкуссионистом Владимиром Тарасовым Жозеф Надж исполнил свою очередную фантазмагорию — «Время отступления».

Речь шла о вечном — о взаимоотношениях мужчины и женщины. И отступать ни ей, ни ему в сущности было некуда. Разве что в очень древние времена. Устав от череды перебранок и примирений, вечные супруги попытались сыграть в античную трагедию. Недели гипсовые маски, схватили сучковатые посохи, задвигались, словно фигурки в волшебном сундучке. Но оказалось, что и тогда все было похожем на то, что есть

сейчас. Кто-то вел, кто-то подчинялся, и тому, и другому ситуация казалась несправедливой.

Обида выражается по-разному. Вот на обшарпанном столе появились игрушки, он взял петуха, она — каменную глыбу, похожую на обезьяну. Хорохорству нет предела, кажется, эти зазнайки уже никогда не помириятся. Но общий язык, как ни странно, находится в нелепой тарабаршине, в косноязычной пластике (локоток к локотку, коленка к коленке), в свистящем дыхании (так втягивают и выталкивают воздух резиновые ежики) и в разлитом море звуков — от барабанного грохота до потустороннего шелеста (Владимир Тарасов, колдующий над ударной установкой, — не аккомпаниатор, а соучастник действия). Поводов для драки будет, конечно, чуть побольше. Надж и Тьеблемон изобразят наглядно, что значит «камень в душе», «хомут на шее» и прочие неподъемные тяжести — на каждый случай найдется своя акробатическая головоломка. Разобьют плафон светильника — и все увидят чучелко скворца, подвешенное вместо лампочки. Сотрут в порошок грецкий орешек — Надж любит огорошить публику многосмысленной метафорой. Но

Жозеф НАДЖ, хореограф: Мои спектакли открыты для разных толкований

— Вы уже не первый раз в России. Меняются ли впечатления и влияют ли они на ваше творчество?

— Чтобы почувствовать страну, необходимо прожить в ней длительное время. А я приезжал ненадолго. Но заметил, что ритм жизни в Москве становится все стремительней. Путешествуя, я многое беру на заметку, внимательно изучаю, наблюдаю, а затем использую в постановках. И в Москве заприметил кое-что чрезвычайно интересное, что непременно войдет в будущие мои постановки. Вчера, например, побывал в Музее современного искусства на Петровке. Увидел много любопытного — и в произведениях искусства, и в поведении людей, полавших в определенный контекст. Обстановка музея очень импозантна, посетители важно осматривают экспозицию. А в это время уборщица как ни в чем не бывало делает свое дело — моет пол, вытирает пыль. Забавно. Только что гастролировали в Петербурге — я посетил Эрмитаж, заинтересовался древним искусством степных народов. Думаю, что это впечатление тоже послужит материалом для будущих работ.

— Ваши спектакли перенасыщены смыслами, и каждый зритель видит в ваших находках что-то свое. Расстраиваетесь, если не угадывают того, что вы задумывали?

— Хотел бы, чтобы мои спектакли были открыты для разных толкований. Но в каждой танцпьесе есть общее художественное видение, подсказки и «наводки». Но вот, к примеру, «Время отступления» дает повод для противоположных интерпретаций. Одни видят в спектакле пессимистическую историю, другие — счастливую. Думаю, каждый человек вкладывает в эти толкования свой личный опыт, свое восприятие отношений мужчины и женщины.

на самом деле в его спектакле все до наивного просто. Чудак в шегольском котелке и длиннополом пальто подойдет к мольберту и нарисует детскую картинку про «мир в семье» — домик с треугольной крышей и двух головастых чело-вечков. Финальный танец неуго-

монные спорщики станцуют с куклами, очень похожими на них самих. Тема двойников давно волнует Наджа, а в его новой танцпьесе маленькие людские подоби-я могут стать кем угодно — и пугающим орудием для ворожбы, и просто симпатичными сувенирами.

Жозеф Надж